

НА III КОНГРЕССЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА ЭТНОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРА ЕВРОПЫ

9—12 апреля 1987 г. в Цюрихе проходил III Конгресс Международного общества этнологии и фольклора Европы (МОЭФЕ). В его работе участвовало более 300 специалистов из большинства европейских стран, а также из США, Бразилии, Нигерии. Делегатами было представлено свыше 160 докладов по широкому кругу проблем этнографии и фольклористики; доклады были распределены по 10 тематическим секциям. Помимо этого для пленарных заседаний были подготовлены также специальные доклады, посвященные некоторым общим вопросам, охватывающим разные аспекты главной темы Конгресса — жизненный цикл в различных его проявлениях и опосредованиях.

Автор предлагаемых вниманию читателя заметок принимал участие в работе Конгресса в составе делегации советских этнографов, возглавлявшейся Ю. В. Бромлеем¹. Но заметки эти — отнюдь не отчет о деятельности Конгресса, а попытка поделиться личными впечатлениями о тех или иных его чертах, которые, как мне кажется, представляют определенный интерес. Естественно, что одному человеку просто физически было не под силу познакомиться с работами всех 10 секций². Поэтому и последующий отбор освещаемых докладов и акценты при их анализе неизбежно окажутся субъективными. Однако некоторые общие моменты, какими были отмечены и те заседания секций, информацию о работе которых мне удалось получить, по-видимому, заслуживают того, чтобы быть отмеченными с самого начала.

Главный из таких моментов — подчеркнутый историзм большинства докладов. У нас достаточно распространено и довольно устойчиво держится представление об историзме, как важнейшем преимуществе советских исследований по сравнению с трудами зарубежных коллег. Причины возникновения такого взгляда — вопрос особый. Однако следует с полной определенностью сказать, что на сей раз многие ученые не только из социалистических, но и из капиталистических стран нам такого преимущества не предоставили. Конечно, среди докладов встречались и вполне описательные — сказывались многими десятилетиями складывавшиеся традиции европейистики; но в целом решительно преобладали исследования с четко выраженной тенденцией к обобщениям и отмеченные строго историческим подходом к анализу материала.

Это особенно проявилось в докладах, представленных на пленарные заседания. И вот три таких доклада, трактующие едва ли не самые общие проблемы изучения жизненного цикла, заслуживают, на мой взгляд, того, чтобы на них задержаться подробнее. Это работы Дж. Гиллиса (США) — «Историк и жизненный цикл»; И. Вебер-Келлерман (ФРГ) — «Жизненный цикл и социальное расслоение»; А. Имхофа (Зап. Берлин) — «Планирование полноценного жизненного пути»³.

¹ В нее входили В. К. Бондарчик, Ю. В. Бромлей, Н. Я. Бромлей, М. Н. Губогло, Р. Я. Денисова, Л. М. Дробижева, М. С. Кашуба, И. С. Кон, В. С. Кондратьев, И. А. Кремлева, Л. Е. Куббель, Н. С. Полищук, П. И. Пучков, Т. В. Таболина, А. Е. Тер-Саркисянц, М. Я. Устинова, К. В. Чистов, О. И. Шкаратан. Советские этнографы представили 18 докладов, выступив с ними на заседаниях 7 секций.

² «Жизненный цикл: различные подходы»; «Социально-экономические основы структурирования жизненного цикла»; «Жизненный цикл и базовые социальные институты»; «Детство, образование, подростковый возраст»; «Рождение и крещение»; «Правовые и исторические аспекты»; «Праздники и обряды»; «Жизненный цикл как индивидуальный процесс»; «Изображение жизненного цикла в вербальной форме»; «Возрастные ступени в народной литературе».

³ Gillis E. The Historian and the Life Cycle. Stockholm, s. a.; Weber-Kellerman I. Lebenszyklus und soziale Schichtung. Stockholm, s. a.; Imhof A. E. Planning Full-Size Life Careers. Consequences of the Increase of the Length and Certainty of our Life-Spans over

Доклады трех исследователей в значительной степени перекликаются между собой. И главное, что их объединяет — последовательно проводимая идея изменчивости самого жизненного цикла и представлений о нем во времени. Сходны и предлагаемые докладчиками этапы такого изменения. Например, Гиллис выделяет три периода: «ранний новый» (early modern) — с 1500 по 1850 г. (естественно, речь идет не о точных датах); «новый» (modern) — с 1850 по 1950 г.; «современный» (contemporary) — с 50-х годов нашего столетия (Гиллис, 2). Аналогичным образом и Вебер-Келлерман в качестве рубежа смены форм жизненного цикла указывает середину XIX в., опять-таки подчеркивая, что имеются в виду не столько какие-то конкретные датировки, сколько прежде всего радикальное изменение всего социального контекста (Вебер-Келлерман, 3, 5). По существу такими же соображениями руководствуется и Имхоф, положивший в основу своей работы анализ влияния на характер жизненного цикла со стороны демографических и социокультурных изменений за три столетия — с 1680 г. по 80-е годы нашего века (Имхоф, 4).

Общая посылка всех указанных исследований заключена в том, что кажущееся нашему обыденному сознанию естественным, а то и единственно возможным «хронологическое», т. е. следующее биологическому возрасту индивида членение жизненного цикла — явление позднее. Гиллис специально подчеркивает антиисторизм представления о развитии жизненного цикла вдоль хронологической шкалы как неизменном явлении. Эволюцию жизненного цикла и представлений о нем с XVI в. до наших дней следует представлять не в виде прямой дымовой трубы, говорит он, а скорее в виде песочных часов (Гиллис, 2), где период последовательно хронологического подхода соответствует лишь узкой и короткой перемычке между расширяющимися объемами. Важен был, по его определению, «возраст как качество, а не как количество», т. е. то, что в некоторых отечественных этнографических работах обозначается категорией «социальный возраст». По существу такой же точки зрения держится и Вебер-Келлерман, подчеркивающая, что до середины XIX в. возраст вообще нормировался более в коллективном, нежели в индивидуальном смысле (Вебер-Келлерман, 5).

Следует сказать, что доклады, о которых идет речь, построены главным образом на фактическом материале Германии (до 1945 г.) и ФРГ, с одной стороны, и США — с другой. Однако теоретические идеи их авторов и выводы, делаемые ими из анализа фактов, позволяют говорить о гораздо более широком значении предлагаемой концепции. Отчасти это показывает, например, и сам Имхоф, сопоставляя движение жизненного цикла в ФРГ и в Японии (Имхоф, 13). Во всяком случае концепция *mutatis mutandis* применима практически ко всем капиталистическим странам Европы.

Все три автора в той или иной степени подчеркивают несинхронный характер изменений в жизненном цикле и представлениях о нем в разных социальных средах и в разные периоды, причем такая несинхронность сохранялась едва ли не до 50-х годов нашего столетия. Жизненный цикл строился различно у социальной верхушки и у трудящихся слоев населения, в городе и в деревне. Это особенно четко проявлялось в период, предшествовавший новому этапу его развития, т. е. примерно до первой половины прошлого века. Например, в Англии XVII в. совершеннолетие у знати наступало в 21 год, а у простого народа — в 15 лет (Гиллис, 3), да и вообще важна была не столько дата рождения, сколько порядок рождения детей.

Жизненный цикл членился по-разному и в зависимости от пола ребенка, хотя поначалу дети не различались даже по одежде, как о том свидетельствуют иконографические материалы. Различение детей в них дается разными атрибутами мальчиков и девочек (и почти исключительно у аристократии): характером игрушек, украшений, шарфов (Вебер-Келлерман, 7). И переход на новую ступень жизненного цикла, например, в Германии знаменовался у мальчика ритуалом облачения в штаны (*Behnung*, букв. «оштанивание»), что практически делало такую смену одежды важнейшим переходным ритуалом.

У девочек смена ступени обычно бывала связана с заключением брака.

Переход к членению жизненного цикла по критерию биологического возраста происходил в странах Западной Европы и в США через усвоение и институционализацию буржуазной нормы (Вебер-Келлерман, 9), более того, через «реификацию буржуазных мужских социальных ценностей» (Гиллис, 5). Это, кстати, отразилось в том, что женский жизненный цикл в буржуазных слоях общества по существу не претерпел изме-

the Last Three Hundred Years. Stockholm, s. a. Далее ссылки на эти доклады будут даваться в тексте с указанием фамилии автора и страницы.

нений: практически до середины XX в. для женщины из таких слоев течение времени как бы прекращалось после брака, который и здесь выступал в жизненном цикле в качестве важнейшего *rite de passage*. Неполным был переход к новому принципу членения жизненного цикла и у трудящихся классов — использование детского труда в капиталистическом производстве с необходимостью предполагало отступление от возрастного принципа (Гиллис, 6—7).

В качестве ускоряющего фактора при переходе к биологическому возрасту как критерию членения жизненного цикла служило становление нации-государства. Одновременно с этим происходила эволюция и самого представления о возрасте: за три столетия с середины XVII в. осуществился поворот от «общины» (*Gemeinschaft*) к «обществу» (*Gesellschaft*); иначе говоря, центр тяжести в протекании жизненного цикла сместился от коллектива к индивиду-его (Имхоф, 8). Чтобы понять, насколько это было существенно, стоит привести пример фермы Фальтесхоф в Гессене, о которой рассказывает Имхоф. Здесь с XVII по XIX вв. сменилось 16 поколений владельцев; из них 15 носили имя Йоганн, воспроизводя имя основателя фермы. Другими словами, в крестьянской среде докапиталистического периода в разворачивании жизненного цикла по существу исключался личный элемент: каждый последующий выступал не как индивид, а как олицетворение социально-хозяйственной функции хозяина фермы (Имхоф, 9).

И после перехода к хронологизации жизненного цикла вступление на новые его ступени сопровождалось определенными изменениями материальной среды, окружавшей индивида. Так, например, в XIX в. одним из главных рубежей цикла стало поступление в школу и последующее передвижение по годам обучения. В Германии, скажем, таким материальным символом для первоклассников служили «школьные сахарные трубочки» (*Shultüten*). Речь в таких случаях нередко шла о самом настоящем «конкурсе родителей», соревновавшихся между собой в том, кто обеспечит своему отпрыску особенно большую и красивую трубочку (Вебер-Келлерман, 17—19). Другими признаками смены ступени жизненного цикла могли служить школьные ранцы, школьные шапочки, покррой штанов — от длинных сугубо «детских» панталон к кожаным шортам и т. п. Понятно, что все это относилось в первую очередь к буржуазии, к защиточным слоям городского населения, но не к деревне.

Здесь следует отметить также усиление внимания к прохождению ребенком стадий жизненного цикла по мере приближения к нашему времени. Например, в той же Германии празднование дня рождения ребенка стало практиковаться только после первой мировой войны (Вебер-Келлерман, 22); аналогичное явление наблюдалось в США. В принципе к рубежу 50-х годов нашего столетия большинство стратегий и форм поведения стало очень быстро устаревать (Имхоф, 11). С другой стороны, значительное увеличение ожидаемой продолжительности жизни по сравнению с точкой отсчета во всех трех докладах (XVI—XVII вв.), особенно очевидное в наши дни, позволило более полно планировать жизнь и пользоваться ею, что, со своей стороны, повышает уверенность в успешном осуществлении жизненной карьеры (Имхоф, 17).

«Бунт» против возрастной хронологизации жизненного цикла наступил на Западе после второй мировой войны: в 50-е годы он охватил мужское население США, с 70-х годов — женское и распространился на Западную Европу. К этому добавилось действие такого фактора, как изменение возрастной психологии (прежде всего — отношения к труду), хронологические рамки которого существенно раздвинулись. В США произошло то, что Гиллис обозначает как «исчезновение подростка» именно в силу изменения границ начала трудовой деятельности (Гиллис, 8—9).

В то же время переход к современной форме жизненного цикла на Западе протекает в связи с весьма серьезным воздействием, которое на него оказывают все более частые экономические затруднения. Здесь имеется в виду безработица, которая прерывает однажды начавшийся жизненный цикл, вынуждая индивида «рециклировать» его, т. е. начинать заново (Вебер-Келлерман, 22; Гиллис, 9).

Если в упомянутых трех докладах, сделанных на пленарных заседаниях, этот сюжет играет лишь подчиненную роль, то в Секции 2 («Социально-экономические основы структурирования жизненного цикла») он оказался предметом специального исследования. Речь идет о докладах западногерманских ученых Р.-Э. Морман — «Экономические кризисы как жизненные кризисы. Образцы усвоения и стратегии поведения при переучивании и конкурсе» — и А. Биммера — «Неожиданные фазы жизненного цикла. Пример безработицы». В этих работах, где сближены исследовательские методы этнологии и социологии жизненного пути (в отличие от жизненного цик-

ла, который лишь фиксирует норму), было достаточно убедительно показано искажающее воздействие безработицы, в том числе и вызванной научно-техническим прогрессом, на протекание жизненного цикла трудящихся.

Широта постановки проблемы в упоминавшихся выше докладах Дж. Гиллиса, И. Вебер-Келлерман и А. Имхофа, в частности, вопрос о нетривиальных категориях этнографических источников, позволяющих проследить историческую эволюцию жизненного цикла и представлений о нем, вызвали оживленную дискуссию. Это относилось в первую очередь к иконографическим материалам и автобиографиям. Первым из них был к тому же посвящен доклад Н.-А. Брингеуса (Швеция) «Картины жизненного цикла», представленный на одном из пленарных заседаний. Здесь шла речь о четырех аспектах изображения: жизненном цикле как выражении тщеславия (*vanity motives*); «колесе фортуны»; жизненном цикле как цикле возрастном; цивилизации, выраженной в жизненном цикле. При обсуждении форм и путей использования иконографических и автобиографических источников советскими участниками (К. В. Чистов) было обращено особое внимание на необходимость строго учитывать классовый фактор при работе с этими материалами.

Следует, впрочем, сказать, что многие западные коллеги в своих докладах продемонстрировали глубокое понимание классовой стороны процессов жизненного цикла. Более того, результаты их исследований в некоторых случаях подтверждают факт складывания не только самостоятельных обрядовых форм в жизненном цикле трудящихся слоев населения, но и особой культуры рабочего класса. Об этом свидетельствуют доклады М. Сегалан (Франция) — «Брачные обряды в рабочих семьях» и шведской исследовательницы Б. Фрюкман — «Культура рабочего класса — жизнь рабочего класса», состоявшиеся на заседаниях уже упоминавшейся Секции 2.

Существенный интерес составило обсуждение докладов, посвященных этнографии старости, проблемам которой было посвящено специальное заседание Секции 6 («Правовые и исторические аспекты»). Здесь были представлены поровну доклады ученых из стран социалистических и капиталистических: К. де Хоог (Голландия) — «Поклонный подход, модель социальной политики для престарелых», А. Полад-Ковач (ВНР) — «Работа старшего поколения в венгерских деревнях сегодня», Э. Сант'Анна де Алмеда Карвинска (Бразилия) — «Третий возраст в Бразилии», Д. Лангазов (НРБ) — «Отдельно живущие старые болгарские крестьяне — жизненная философия и поведенческая культура». Показательна практически полная противоположность самой ориентированности докладов. Если в работах ученых из социалистических стран главным вопросом было создание для престарелых членов общества максимально благоприятных условий для продолжения полноценной жизни, для активного участия в общественно-полезном труде, то в докладах западных коллег (а также в примыкающем к их работам, но представленном на Секции 2 докладе австрийской исследовательницы Э. Зекера — «Исследование австрийских биографий: о жизни самых слабых людей в 1890—1986 гг. Социальная политика и культурный анализ на примере получающих общественную помощь») ведущим мотивом было одиночество престарелых, их заброшенность и беспомощность в современных условиях.

Среди других докладов, посвященных так сказать, традиционным этнографическим сюжетам, особого внимания заслуживает исследование Г. Вельц (ФРГ) «Стадии жизненного цикла в уличной жизни. Исследование деятельности, групп и форм поведения пуэрториканцев и афроамериканцев в Бруклине, Нью-Йорк». Эта работа, построенная на богатом полевом материале, рисует очень убедительную картину возрастной стратификации и распределения видов деятельности среди беднейших слоев населения самого крупного города США. Представлены были в Секциях и такие вопросы, как этнография отдельных профессиональных групп, обрядность и празднества и т. п.

Немалый интерес представили также развернутые в здании Цюрихского университета, где проходили заседания, фотовыставки, посвященные этнографии различных кантонов Швейцарии, а также богатейшая выставка этнографической литературы.

Отличительной чертой Конгресса была предельная доброжелательность в отношениях между коллегами. Именно в этой обстановке можно было должным образом оценить роль проведенного в Суздале в 1982 г. II Конгресса МОЭФЕ: по единодушной оценке зарубежных коллег, этот Конгресс сыграл решающую роль в оживлении деятельности общества, которое до того времени все более погружалось в своего рода спячку.

Советские участники Конгресса представили в Цюрихе доклады, отражающие практически весь спектр этнографических исследований в нашей стране — от физиче-

ской антропологии до этносоциологии⁴. Эти доклады неизменно вызывали интерес зарубежных ученых. В целом наши работы вполне соответствовали тем высоким научным стандартам, которыми руководствовались организаторы Конгресса, хотя, не скрою, бывало огорчительно сравнивать уровень технической оснащенности советских и зарубежных этнографов-полеводов.

В Цюрихе были сделаны важные шаги, направленные на сближение МОЭФЕ и журнала «Этнология Эуропа»; достигнуты определенные договоренности о координации работы. На двух заседаниях редколлегии журнала в ее состав были вновь избраны Ю. В. Бромлей и К. В. Чистов. В новый состав Президиума Общества вошли Ю. В. Бромлей и Л. М. Дробижева. Президентом МОЭФЕ избран профессор Р. Квиделанн (Норвегия). Провести следующий Конгресс Общества намечено в Бергене (Норвегия) в 1990 г.

Новому Президиуму предложено рассмотреть и представить членам Общества рабочую тему IV Конгресса. Ему также рекомендовано создать в составе Общества новые Комиссии: по этнографии рабочих; по этнографическим фильмам; по истории этнографии; региональную комиссию по странам бассейна Балтийского моря, а также возобновить деятельность комиссии по этнографическим атласам.

В заключение хотелось бы подчеркнуть безупречную организацию всех сторон деятельности Конгресса и выразить искреннюю признательность его организаторам, в частности — Швейцарскому обществу народоведения и Этнографическому семинару Цюрихского университета.

Л. Е. Куббель

⁴ Доклады советских участников были опубликованы в специальном сборнике [Soviet Papers for SIEF's Third Congress. «The Life Cycle». (Zürich). М., 1987. 180 p.], к которому я и отсылаю читателя.

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ «РОЛЬ ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ»

С 1 по 3 декабря 1986 г. в Принстоне (США) проходил советско-американский симпозиум на тему «Роль этничности в современных обществах». Он проводился в рамках программы сотрудничества между Академией наук СССР и Американским советом познавательных обществ (Комиссия по гуманитарным и социальным наукам; Подкомиссия по этнографии и антропологии). Организаторами четвертого по счету советско-американского симпозиума по этничности выступили Бюро международных исследований и обменов (IREX, США) и Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. В состав делегации советских ученых входили Л. М. Дробижева — председатель, зам. директора Института этнографии АН СССР, заведующие отделами этого института Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло, В. И. Козлов; В. Б. Евтух (Киев, Ин-т социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР); Р. С. Карапетян (Ереван, Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР). С американской стороны в работе симпозиума принимали участие М. Балзер (Ин-т Гарримана по изучению Советского Союза); М. Фишбах (Джорджтаунский ун-т), Дж. Хайем (ун-т им. Дж. Хопкинса); Р. Хованнесян (Калифорнийский ун-т, Лос-Анджелес); С. Либерзон (Калифорнийский ун-т, Беркли); Б. Медисин — директор Центра по изучению коренных жителей — Калгарский ун-т (Канада) С. Минц (ун-т им. Дж. Хопкинса); директор Центра межкультурных исследований по фольклору и этномузыкологии университета Техаса Х. Лемон, С. Янигасако (Стэнфордский ун-т), Л. Мюллингз (Школа биомедицинского образования, Нью-Йорк), Ф. Риггс (Гавайский ун-т).

Со вступительным словом к участникам симпозиума обратились руководители делегаций: от США — С. Минц и от СССР — Л. М. Дробижева, отметившие большое значение подобных симпозиумов в развитии научных контактов между учеными СССР и США, их вклад в исследование национальных (этнических, в терминологии западных ученых) проблем в современном мире, углубление знаний о культуре, образе жизни народов.